

A portrait of Igor Segeda, a man with long, wavy brown hair, smiling and wearing a dark suit and a gold tie. He is standing in a grand concert hall with ornate architecture. In the background, an orchestra is visible on a stage, illuminated by spotlights. The overall atmosphere is warm and sophisticated.

ИГОРЬ СЕГЕДА

ДИРИЖЁР И ТЕАТР

МУЗЫКА • СЦЕНА • ПСИХОЛОГИЯ • ДРАМАТУРГИЯ

АВТОРСКОЕ ИЗДАНИЕ

• 2026 •

Игорь Сегеда

Дирижёр и театр

<https://litres.ru/73966018>

SelfPub; 2026

Аннотация

Первое авторское издание. Его содержание вошло в полную расширенную версию книги, опубликованную под названием «За дирижёрским пультом: жизнь, музыка и театр».

Эта книга — воспоминания дирижёра о музыке, театре, творчестве и людях, посвятивших свою жизнь искусству. Автор рассказывает о работе в музыкально-драматическом театре, своих педагогах, первых спектаклях и репетициях, внутреннем мире дирижёра и эмоциональной природе музыки. Книга соединяет личные воспоминания, философию искусства и атмосферу театральной жизни конца XX века.

Игорь Сегеда

Дирижёр и театр

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Эта книга родилась не только из размышлений о профессии дирижёра, но и из личного жизненного опыта, воспоминаний, театральной практики и многолетнего внутреннего диалога с музыкой.

Когда-то всё начиналось как дипломная работа, посвящённая роли дирижёра в музыкально-драматическом театре. Однако со временем я всё яснее понимал, что сама тема значительно глубже обычного академического исследования.

Музыкально-драматический театр — особый мир.

Здесь музыка перестаёт существовать отдельно и становится частью живого сценического организма. Она соединяется с драматургией, движением, словом, светом, психологией актёра и эмоциональным состоянием зрительного зала.

Поэтому профессия театрального дирижёра остаётся одной из самых сложных, многогранных и одновременно малоисследованных сфер музыкального искусства.

Дирижёр в театре управляет не только оркестром.

Он управляет временем, эмоциональным напряжением сцены, атмосферой спектакля, внутренним дыханием музыки, психологическим состоянием коллектива и самой энергией сценического действия.

Со временем я начал всё глубже понимать, что дирижирование — это не просто техника жеста.

Это особая форма внутренней художественной энергии.

Настоящий дирижёр воздействует не только на музыкантов. Его внутреннее состояние незримо передаётся оркестру, хору, актёрам и даже зрительному залу.

В этой книге мне хотелось соединить профессиональное исследование, философию дирижёрского искусства, практический театральный опыт, личные воспоминания и атмосферу музыкального театра конца XX века.

Вся книга основана на реальных событиях моей жизни.

Это воспоминания о педагогах, первых спектаклях, работе в театре, музыке, сцене и людях, посвятивших свою судь-

бу искусству.

Я искренне благодарен своим педагогам — Георгию Сигизмундовичу Белецкому и Людмиле Михайловне Красюк, сыгравшим важную роль в моём профессиональном становлении.

С особым уважением и благодарностью я также вспоминаю профессора Петра Даниловича Горохова и Эммануила Григорьевича Белявского — выдающихся дирижёров, ведущих кафедрой и руководителей хоровых коллективов, у которых мне посчастливилось перенимать профессиональное мастерство и глубже понимать природу дирижёрского искусства.

Именно рядом с такими людьми приходит настоящее понимание музыки.

ГЛАВА I

НАЧАЛО ПУТИ

Музыка вошла в мою жизнь задолго до того, как я начал воспринимать её как профессию.

С самого детства меня притягивало нечто труднообъяснимое, скрытое внутри музыкального звучания. Тогда я ещё не

понимал сложных гармоний, формы или законов музыкальной драматургии, но уже чувствовал особую внутреннюю силу музыки.

Она воздействовала не только на слух, но и меняла мое внутреннее состояние.

Позже я всё чаще замечал, как разные произведения создают совершенно разные эмоциональные пространства. Одни наполняли ощущением света и надежды, другие — тревогой и внутренним напряжением. Некоторые словно останавливали время.

Тогда я ещё не знал, что именно это ощущение однажды приведёт меня к дирижированию и театру.

Мой путь в музыкально-драматический театр начался в годы обучения в Донецкой государственной музыкальной академии имени С. С. Прокофьева, которая сегодня имеет статус консерватории.

Я учился на исполнительском факультете по специальности «хоровое дирижирование». Именно в этот период постепенно формировалось моё профессиональное мышление — как дирижёра, музыканта и будущего композитора.

Это было непростое, но удивительное время.

Конец 1990-х годов оказался тяжёлым для многих музыкантов и театров. Страна переживала серьёзные перемены, финансирование культуры сокращалось, однако даже в этих условиях музыкальная среда продолжала жить особой внутренней энергией.

Люди искусства продолжали служить музыке.

В такие периоды жизни особенно ясно понимаешь: настоящее искусство существует не благодаря внешним обстоятельствам, а благодаря внутренней потребности человека создавать и чувствовать прекрасное.

Моё знакомство с настоящей дирижёрской школой началось ещё в музыкальном училище.

Тогда заведующим кафедрой и дирижёром хора был Эммануил Григорьевич Белявский — выдающийся музыкант и педагог, оказавший огромное влияние на моё профессиональное становление.

Позже я поступил в Донецкую государственную музыкальную академию имени С. С. Прокофьева, где кафедру возглавлял Заслуженный деятель искусств Украины, про-

фессор Пётр Данилович Горохов.

Для молодого музыканта возможность наблюдать работу таких мастеров была бесценной школой.

Я старался впитывать всё:
дирижёрскую технику, работу с хором, построение музыкальной фразы, культуру звука, психологию репетиционного процесса.

Но больше всего меня поражало другое.

Настоящие мастера никогда не работали только руками.

Они воздействовали на коллектив внутренним состоянием.

Меня поражала их способность управлять огромным хоровым звучанием, внутренней энергетикой коллектива и эмоциональной природой музыки.

Я никогда не забуду своё первое впечатление от хора под руководством Петра Даниловича Горохова.

Когда я впервые пришёл на репетицию, то специально сел на последнем ряду зала, чтобы просто слушать и наблюдать.

И уже с первых минут был потрясён звучанием хора и особой дирижёрской техникой этого выдающегося мастера.

Возникло удивительное ощущение, будто музыка незримо поднимает меня куда-то под потолок концертного зала.

Это было чувство чего-то возвышенного, почти необъяснимого и одновременно волшебного.

Особенно поражало то, что профессор Горохов практически не использовал внешне эффектных движений.

Его техника была удивительно сдержанной и точной.

Хор понимал его буквально с полувзгляда:
по едва заметному движению кисти,
по малейшему жесту руки,
по выражению глаз.

Одним взглядом он мог поднять звучание хора до мощного fortissimo, а затем так же мгновенно увести его в тончайшее pianissimo.

В этот момент я впервые по-настоящему понял, что дирижирование — это нечто гораздо большее, чем техника.

Это управление внутренней энергией музыки.

Позже я много размышлял о том, почему одни дирижёры способны буквально завораживать коллектив, а другие, обладая прекрасной техникой, не вызывают глубокого эмоционального отклика.

Со временем пришло понимание: подлинная сила дирижёра рождается не только из профессионального мастерства.

Она рождается из внутренней личности человека.

Музыканты очень тонко чувствуют состояние руководителя.

Оркестр или хор невозможно обмануть красивыми движениями.

Если дирижёр сам не переживает музыку глубоко, коллектив всегда это ощущает.

Для меня Пётр Данилович Горохов навсегда остался мастером с большой буквы.

Я до сих пор помню одну замечательную историю, кото-

рую профессор Петр Данилович Горохов однажды рассказал с особой теплотой.

Студенты глубоко уважали и искренне любили его. Однажды утром в день его рождения целая группа студентов очень рано пришла к дому, где он жил.

Встав под его окнами, они начали хором петь песню.

Для профессора Горохова это стало одним из самых трогательных моментов в жизни.

Позже, вспоминая эту историю, можно было почувствовать, насколько глубоко она запечатлелась в его памяти. Он говорил об этом не с гордостью, а с искренней теплотой.

Возможно, именно такие моменты раскрывают истинный смысл профессии педагога и дирижера больше, чем любые награды или звания.

Музыка обладает уникальной способностью объединять людей не только профессионально, но и духовно.

И порой такие моменты остаются в памяти человека навсегда.

Особенно мне запомнился один курьёзный случай времён учёбы в музыкальном училище.

Заведующий кафедрой и дирижёр хора Белявский Эммуил Григорьевич однажды объявил, что отныне старостой хора буду я. В мои обязанности входило следить за порядком, дисциплиной и за тем, чтобы ничто не мешало проведению занятий хора.

Когда пришло время начинать урок, весь хоровой класс уже сидел на своих местах в ожидании преподавателя. Дверь открылась, вошёл Белявский. Он спокойно подошёл к своему столу, отодвинул стул и сел.

В следующее мгновение стул под ним с оглушительным грохотом развалился на части.

На несколько секунд в классе воцарилось полное изумление. Больше всех, наверное, испугался я — ведь старостой хора был назначен именно я, а значит, ответственность автоматически ложилась на меня.

И тут из-под стола появилась улыбающаяся голова Белявского. Стукнув ладонью по столу, он с улыбкой произнёс:

— *Где староста?*

В этот момент весь хоровой класс — около шестидесяти студентов — буквально взорвался от смеха. Смеялся и сам Белявский. После этого занятие прошло в необычайно весёлой атмосфере, а этот случай запомнился нам всем на всю жизнь.

Еще одной незабываемой чертой личности Эммануила Григорьевича Белявского был его необычный и зачастую очень юмористичный подход к работе со студенческим хором.

В ящике своего стола он хранил несколько детских игрушек, издававших забавные писклявые звуки.

Всякий раз, когда одна из групп хора — сопрано, альт, тенор или бас — начинала петь так, что его это не устраивало, он медленно открывал ящик стола, доставал одну из этих игрушек, сжимал ее так, чтобы она издала неприятный писк, а затем совершенно серьезно говорил:

«Вы поете именно так!»

Весь хор тут же взрывался смехом.

Однако после такой яркой и юмористической demonstra-

ции все мгновенно понимали, какого именно звучания дирижер на самом деле пытался добиться.

Это был необычайно умный психологический прием.

Юмор снимал напряжение, расслаблял студентов и помогал хору быстро исправлять свои ошибки без страха и эмоционального давления.

К счастью, позже мне также довелось петь под руководством Белявского в его большой хоровой капелле, где пели уже не студенты, а взрослые полупрофессиональные исполнители. В этой капелле его методы работы были уже несколько иными.

Всякий раз, когда ему не нравилось звучание хора, он делал очень выразительное лицо и говорил:

«Вы поете как астматики и больные силикозом. Это астматико-силикозное пение!»

После этих слов хор снова взрывался смехом.

Атмосфера сразу становилась непринуждённой и расслабленной, и очень часто звучание хора улучшалось практически мгновенно.

С годами я понял, насколько Белявский был одарён психологическим чутьём.

Он прекрасно понимал, что страх и чрезмерное напряжение редко помогают музыкантам играть лучше.

Иногда юмор способен дать гораздо больше, чем одна только строгая дисциплина.

И даже сегодня эти воспоминания остаются одними из самых тёплых и ярких моментов моего музыкального образования.

Всякий раз, когда во время репетиций хор начинал слишком шуметь, он внезапно прерывал занятие и спокойно говорил:

«Художник творит на холсте, а дирижёр — в тишине».

Только много лет спустя я полностью осознал глубину и точность этих слов.

Дирижирование действительно требует особой атмосферы сосредоточенности, внутреннего слушания и эмоционального единства.

Шум разрушает не только дисциплину, но и то невидимое пространство, в котором рождается музыка.

Даже сегодня я часто вспоминаю эту фразу, когда разговариваю с кем-то о музыке, репетициях или самой сути дирижирования.

Чем старше я становлюсь, тем глубже понимаю, насколько правдивыми были эти слова.

Я помню один разговор с Эммануилом Григорьевичем Белявским, который запомнился мне на всю жизнь.

В то время, как и многие молодые дирижеры, я был глубоко озабочен дирижерской техникой. Я спросил его, как можно достичь поистине великого дирижерского мастерства и совершенного технического контроля.

Его ответ удивил меня.

Он спокойно сказал:

«То, что уже есть внутри тебя, гораздо важнее. Это твое величайшее богатство. Дирижерская техника и мастерство придут с годами».

Только гораздо позже я полностью понял всю глубину этих слов.

Настоящее дирижирование рождается не только из жестов, точности или внешней техники.

Дирижер может обладать превосходным техническим контролем, но при этом оставаться эмоционально пустым.

А вот внутренняя эмоциональная глубина, искренность, музыкальная чувствительность и способность по-настоящему чувствовать музыку — эти качества нельзя просто механически приобрести.

С годами я все больше осознавал, насколько правдивы были слова Белявского.

То впечатление, которое я испытал тогда, сохранилось во мне на всю жизнь.

К сожалению, эти выдающиеся люди ушли слишком рано. Но я благодарен судьбе за возможность видеть работу настоящих мастеров своего времени и учиться у них не только профессии, но и отношению к музыке, искусству и людям.

ГЛАВА II

ДИРИЖЁР В МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ

Профессия дирижёра музыкально-драматического театра — одна из самых сложных и многогранных форм музыкального исполнительского искусства.

Когда зритель приходит в театр, он прежде всего видит сцену, актёров, декорации, свет, движение. Однако за внешней стороной спектакля скрывается огромный внутренний механизм, который должен работать как единый живой организм.

Музыка в театре никогда не существует отдельно.

Она становится частью драматургии, частью эмоционального пространства сцены.

Иногда зритель даже не осознаёт, насколько сильно музыка воздействует на его внутреннее состояние. Но именно она способна незаметно усиливать тревогу, напряжение, радость, драматизм или ощущение света.

Поэтому роль дирижёра в театре значительно шире обычного управления оркестром.

Театральный дирижёр — это одновременно:
руководитель,
организатор,
психолог,
музыкальный наставник,
а иногда и полноценный участник сценического действия.

Во время спектакля ему приходится контролировать множество процессов одновременно.

Он обязан:
слышать оркестр,
следить за актёрами,
чувствовать темп сценического действия,
реагировать на изменения актёрской речи,
координировать музыкальные вступления,
ощущать эмоциональную атмосферу сцены.

И всё это должно происходить мгновенно.

В академическом концерте музыкальная форма заранее определена. Театр же всегда сохраняет элемент непредсказуемости.

Актёр может изменить темп речи, сделать неожиданную

паузу, эмоционально усилить сцену или забыть текст. В подобных ситуациях дирижёр обязан принимать решение за доли секунды.

Иногда от одного мгновения зависит целостность всей сцены.

Я особенно остро понял это уже в первые месяцы работы в театре.

Тогда мне казалось, что дирижёр прежде всего должен идеально знать музыку. Но очень быстро стало ясно: в театре одного музыкального профессионализма недостаточно.

Необходимо чувствовать саму природу сцены.

Музыка здесь подчиняется не только законам музыкальной формы, но и законам драматургии.

Удивительно, но бывает, даже небольшой музыкальный акцент способен воздействовать на зрителя сильнее, чем большое симфоническое построение.

Особое значение в театре приобретает чувство времени.

Дирижёр обязан ощущать внутренний ритм спектакля.

Если музыка начинает жить отдельно от сцены, постановка теряет целостность.

Музыка должна дышать вместе с актёрами.

В театре очень важен психологический контакт между дирижёром, режиссёром и исполнителями.

Во время репетиций нередко происходят долгие поиски правильного темпа сцены. Порой даже небольшое изменение скорости музыкального фрагмента полностью меняет эмоциональное восприятие эпизода.

Иногда режиссёр чувствует сцену драматургически, но не музыкально. В подобных ситуациях дирижёр помогает найти тот внутренний ритм, при котором музыка и сценическое действие начинают существовать как единое целое.

Не менее важно умение сохранять внутреннее спокойствие.

Оркестр мгновенно чувствует эмоциональное состояние руководителя. Если дирижёр начинает нервничать, напряжение сразу передаётся музыкантам.

Поэтому даже в самых сложных ситуациях дирижёр обязан сохранять концентрацию.

В театре невозможно остановить действие.

Музыка должна продолжать жить.

Однажды во время спектакля неожиданно возникли серьёзные технические проблемы со звуком.

На несколько секунд в зале возникла напряжённая пауза.

Я хорошо помню это ощущение.

В такие моменты время словно начинает двигаться иначе, а каждая секунда кажется бесконечной.

Дирижёр обязан мгновенно среагировать и принять правильное решение.

Оркестр продолжил играть, актёры сохранили сценическое действие, и зрители практически ничего не заметили.

После спектакля я ещё долго размышлял о том, насколько театр остаётся живым искусством.

В этом одновременно его сложность и его красота.

Ни один спектакль невозможно повторить абсолютно одинаково.

Даже если сохраняются те же декорации, тот же текст, те же актёры и та же музыка — внутреннее эмоциональное пространство постановки всё равно меняется.

Работа дирижёра требует не только высокого профессионального уровня, но и особых человеческих качеств:

эмоциональной чуткости,

лидерства,

умения быстро принимать решения,

способности работать с коллективом,

художественного воображения

и сценического мышления.

Очень часто дирижёр становится связующим звеном между режиссёром, актёрами, оркестром, техническими службами и зрительным залом.

Зрители редко задумываются о том, сколько процессов одновременно происходит во время спектакля.

В этом и заключается удивительная природа театра.

Когда все элементы начинают существовать в полном художественном единстве, рождается то особое пространство искусства, ради которого люди снова и снова возвращаются в театр.

ГЛАВА III

ПЕРВЫЕ ШАГИ В ТЕАТРЕ

Во время обучения в Донецкой государственной музыкальной академии имени С. С. Прокофьева я всё чаще задумывался о своём будущем.

Мне было важно понять:
куда двигаться дальше,
какой я вижу свою жизнь,
чему хочу посвятить себя как музыкант и дирижёр.

В студенческие годы будущее одновременно кажется огромным и неопределённым.

С одной стороны, перед молодым музыкантом открывается множество дорог. С другой — именно в этот период человек впервые по-настоящему осознаёт, насколько сложным и требовательным является мир профессионального искусства.

Тогда я ещё не представлял, насколько сильно театр изменит мою жизнь.

В тот период в Донецком академическом театре работал дирижёр и композитор Евгений Кулаков.

Это был очень талантливый и разносторонний музыкант, сумевший соединить в себе качества композитора и театрального дирижёра. Он обладал редкой способностью одновременно чувствовать музыку и сцену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.